

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 10 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 202 с.

ISBN 978-5-517-93311-9

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю.А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93311-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ ПЛѢННИКОВЪ.

ПСАЛОМЪ 136

(ПРЕЛОЖЕНІЕ)

У рѣкъ Вавилона
Мы, дѣти Сіона,
Сидѣли въ слезахъ.
На нашихъ рукахъ
Оковы звучали;
А мы вспоминали
И вольные дни
И отчій страны,
На вербахъ органы
Развѣсивъ свои
Средь стѣнъ Вавилонскихъ.
•Чтожъ пѣсень Сіонскихъ
•Не слышимъ отъ васъ?
•Иль вы ихъ забыли?
Коварно спросили
Плѣнившіе насъ.

Нѣтъ, пѣсни священной,
Намъ Богомъ внушенной
Мы пѣть не деранемъ
На брегахъ чужомъ.
О родина! звуки
Той пѣсни твоей —
И 'смокли они
Въ часъ нашей разлуки!
А если тебя
Твой сынъ позабудетъ,
Часть X. Гл. II.

Забвенна да будетъ
Десница моя!
Языкъ пусть къ гортани
Прилипнетъ, когда
Лишу тебя дани
Моихъ воспоминаній;
Иль ты не всегда
Мнѣ высшая мѣта
Веселья, обѣта,
Молитвы моеѣ.
Въ годину скорбей!

О Боже правдивый!
Напомяни врагамъ,
Эдома сынамъ, *)

*) Эдомъ — соименованіе Исаву, брату
Іакова, коему Исавъ продалъ первенство
свое за вариво и сочиво, почему и проз-
ванъ былъ Эдомъ, толкуется «черный»,
т. е. красноватый, библи. 25 червленый;
отъ чего часть Аравіи каменистая назы-
вается земля Эдомская или Идумей.
Выписка изъ церк. слов. Алексѣева ч. 2, 10
страниц. Идумейцы или Эдомляне соединя-
лись съ Вавилонянами противъ Іудеевъ, были
своими ожесточенными врагами послѣд-
нихъ.

Тотъ день несчастливый,
Тотъ день роковой,
Какъ градъ нашъ святой
Они разрушали —
И грозно кричали
Со злобой въ очахъ:
«Разсыпьте во прахъ
Твердыни Сіона! . . .
О дщерь Вавилона!
Сколь будетъ блаженъ,
Кто мстя за нашъ плѣнъ,
За вопли, за пламень,
За кровь и за стыдъ,
Твоихъ раздробить
Младенцевъ о камень!»

И. ВОРОЗДНА.

ДВѢ ДУМЫ БИЛЬДЕРДЕНКА.

1.

ЛОЗА ВІНОГРАДА.

Изъѣденъ червями и ржей
Духовный мой стебель какъ лоза виногра-
рада

Тянухся надъ тощей землей
Заглохшаго сада . . .
Хозяинъ! очисти лозу отъ червей
И ржавчину вырѣзавъ въ пору
Отъ бури дай стеблю опору! —
Не хочешь? . . . да будетъ по волѣ твоей:
Возьми же ты пожъ свой и тожъ рукою,
Которою лозу ты вѣдрилъ въ свой садъ,
Подрѣжь ее вровень съ землею,
Чтобъ въ новыхъ побѣгахъ процвѣлъ
виноградъ!

2.

ОСЕННИЙ ЛИСТОКЪ.

Вѣднѣжка — поблеклый осенній листокъ
Дыханіемъ вѣтровъ гонимый!
Зачѣмъ ты покинулъ пріютъ свой роди-
мый

Душистый вѣтвистый кустокъ,
И ищешь, скиталецъ, защиты, припѣта
На скорбной груди ты моей?
Жорой ледяною снаружи одѣта,
Тягнешь въ нейagna огней . . .
Искалъ бы, скиталецъ, ты ложа ипаго,
Гдѣ бы не было буръ ни тревогъ;

Искалъ бы, изгнанникъ, ты ложа земнаго
Гдѣ бы вѣчно покоиться могъ!

Но если ты, листокъ осенній,
Какъ истощеніа символъ —
Мнѣ возвѣщаешь часъ послѣдній,
О, смерти вѣстникъ и посолъ!
Тебя привѣтствую лобзаньемъ,
Двойникъ — бездомецъ, образъ мой:
И у меня одно желанье —
Отъ буръ мірскихъ найти покой;
Истать какъ ты въ землѣ сырой;
П. К — ВЪ.

ЛУНА И МОРЕ.

Покойно ты море, шумишь на просторахъ!
Но только покажется въ небѣ луна
Съ какою то силой незримой дотолъ
Истаетъ на рождѣно, на прибыль волна.
Какъ будто ты хочешь достигнуть Не-
бесной
И въ хладныхъ объятыхъ ее утопить?
Какою же силой незримой, чудесной
Стремишься ты воды къ лунѣ возносить?

Какъ любовникъ за жестокой
Ты течешь ро слѣдъ за ней
И печально, одинокой
Жадно ждешь ея лучей.

Если облако случайно
Ликъ небесный омрачить
Потемнѣешь ты печально
И ревниво зашумишь.

Но лишь милый, серебристый
Образъ всыхнетъ въ вышинѣ,
Серебромъ ты заструишься
И зашепчешь о лунѣ.

Какъ грозныя тучи все небо покроютъ
И молнія вьется змѣей въ высотѣ
Тогда твои волны грохочутъ и воютъ
И страшнымъ концертомъ поютъ о
лунѣ.
За чтожь море любитъ ночное свѣтило?
Вотъ солнце на небѣ, красивый свѣтлый:
Да, пламенно солнце, чудесно-красное
А мѣсяцъ полночный для моря малый.

ЕВГЕНІЙ ЗАНЕВСКІЙ.

ПРОЗА.

— — —

СТАРИНА

МОРСКАЯ И ЗАМОРСКАЯ. *)

«A tale of the times of old!»

Ossian.

— — —

Представить не можете, мм. гг., съ какимъ удовольствіемъ читались бы въ нашемъ журналѣ статьи о флотѣ, о Кронштадтѣ, о корабляхъ тѣхъ, которые иногда сами служили подѣ красивѣйшимъ изъ всѣхъ военныхъ флаговъ, бывшимъ съ побѣдоноснымъ Андреевымъ крестомъ. Море, со всемъ своимъ непостоянствомъ, со всею своею

обманчивостію, со всѣми опасностями, грозными бурями, вѣроломными штормами, имѣетъ свои неизъяснимыя, высокія прелести; прелести столь же заманчивыя, столь же увлекательныя, столь же неизгладимыя изъ памяти и сердца, какъ и — *sauf le respect pour les jolies dames* — прелести красавицъ. Кто разъ «мѣдною» грудью спозналъ

*) Батюшка, отецъ командеръ! ваше высокоблагородіе! — по меньшей мѣрѣ; а то и, — ваше превосходительство! Да что я говорю? съ 90-хъ годовъ — съ милостивѣе Божіей, царскою и командерскою, просто, жила, такъ дожили — ваше высокопревосходительство, даже тонко! — откуда благодать чина! этакого жемчуга бурмизаго! этакихъ ланней самоцѣтныхъ, да

и нашъ братъ горюнь съ маичной каланчи такого клада слыхомъ не слыхалъ, и очью не видалъ! ахъ, ты родимой нашъ! да подавай намъ цѣлыхъ три короба про нашу старину морскую и заморскую — есть куда положить! а ужъ челонокъ, такъ ужъ нѣтъ мѣстечки сырой земли пробить нашему высокопре... вашему правосх... вашему высокоблаг...

съ нимъ, до гроба не забудеть, не разлюбить его, — и, удаленный, съ такимъ же восхищеніемъ слушаетъ рассказы о немъ какъ Швейцарецъ свою родину «Ranz *) des vaches»... Жаль старымъ морякамъ, что извѣстія о подобныхъ предметахъ рѣдки и въ газетныхъ листкахъ, и не имѣютъ своего непремѣннаго въ нихъ мѣста. Кромѣ моряковъ, сколько есть отцовъ и матерей, которымъ хотѣлось бы знать, когда, куда и на долго-ли поплыли дѣти ихъ на громоносныхъ лебедяхъ океана. Ей, ей! Мм. Гг. смѣемъ предсказывать вамъ значительное приращеніе усердныхъ подписчиковъ, если вы будете постоянными корреспондентами въ Кронштатъ, Ревель, Свеаборгъ, Николаевъ, Севастополь, Одессъ, — не мѣшаетъ и у «города», — и будете извѣщать о вооруженіи флота, о выходе на рейдъ, объ именахъ и рангахъ кораблей и капитановъ; объ отплытіи, о назначеніи, о возвращеніи, и о всѣхъ случайностяхъ, какія только въ состояніи занимать родителей и друзей молодыхъ моряковъ. Подумайте, не было-ли иногда изъ Берлинской газеты и Гамбургскаго корреспондента, узнать больше о нашемъ флотѣ, нежели изъ своихъ газетъ. Представьте, случится бѣд-

но знаешь, право, куда и поставить-то! да надо ужъ поставить — высоко! только, отецъ родной, не клепи на насъ, что-де маячные не для морскихъ; да и теперь ужъ одиннадцать братьевъ изъ морскихъ и приморскихъ работаютъ на маякѣ, и правду сказать изъ строки не выкинешь — а валились то гдѣ-кто: кто подъ палами въ Кронштатѣ, кто въ Слободкѣ въ Николаевѣ, кто въ Везрадной въ Астрахани, кто въ Ситхѣ съ бобрами, а кого и изъ архивной пыли вытащили! что разъ, то кличь и кличуть съ каланчи: и у кого-де душа болитъ, а въ сердце кипитъ по матушкѣ по Руси по батюшкѣ бѣломъ царѣ, по святымъ храмамъ Божьимъ православнымъ, да по дѣламъ

*) Отъ слова: *garçon des vaches* — возвращеніе коровъ. Пѣсня Швейцарская.

ствіе, разобьетъ корабль, фрегатъ; объ этомъ крылатая молва донесетъ невѣрные слухи до кровныхъ, которыхъ сердцу юные моряки такъ близки сколько догадокъ, опасеній, горести и слезъ безвременныхъ о «погибшихъ», между тѣмъ какъ они всѣ спасены, и явили при этомъ случаевъ столько мужества, неустрашимости и присутствія духа, что надо бы радоваться только и восхищаться, а не плакать. Несчастье со всѣми бываетъ, тѣмъ чаще съ моряками; таясь нечего: тутъ нѣтъ ничего безславнаго для флота вообще. У Англичанъ, за которыми покаместъ морская слава, кораблекрушенія почти ежегодны; а купеческій ихъ флотъ каждую осень теряетъ чуть не десятый процентъ. Въ 1799 году, придя на Спитгедской рейдъ, мы любовались ихъ 120-ти пушечнымъ кораблемъ «Королевою Шарлоттою» (Queen Charlotte) только-что съ иголки. На немъ вице-адмиралъ лордъ Кейтъ отправился тогда въ Средиземное море, и едва дошелъ до Ливорны, корабль взорвало на воздухъ. Отчего бы вы думали? — сѣно лежало близъ кухни и загорѣлось ночью! Они однакожъ не потаили грѣха, все рассказали цѣлому свѣту, какъ

Русскимъ славнымъ — милости просимъ къ намъ! да и откликаются же молодецъ къ молодцу: а погодите, то ли будетъ; вотъ къ слову, хоть бы ваша милость — имя, отчества не знаю — съ неба свалился просто, пальчики обсосешь; что твой сотъ медовый съ Муромскихъ липъ! ну, ужъ спасибо, трижды съ пяткомъ да съ одиночкою, спасибо! милости просимъ, пожалуйста, да и другихъ зовите — да распояштесь путемъ, да раскиньтесь намъ стариной про Чичаговыхъ, да Лукиныхъ, да Сенявиныхъ; и про смачей, и про питуховъ и про раздрогъ старинныхъ; и пѣсенку то спойте намъ: «Во первыхъ саняхъ такой-то, во вторыхъ, такой-то... и Господи, какъ зарадуется Русское сердце! не утронимъ, и грянемъ молодецкимъ хоромъ: Ой-ли!...»

СТОРОЖЬ.

дало было. Тутъ узнали неизмѣримое присутствіе духа перваго лейтенанта (first lieutenant), который, до послѣдней минуты, распоряжался съ полною энергіею моряка, и не хотѣлъ оставить корабля, изъ любви къ нему. И по-длинно было во что влюбиться; мы тогда молодые, вчужь, горевали, узнавъ объ этомъ происшествіи. Горестъ наша тѣмъ была сильнѣе, что тутъ погибъ и нашъ, незабвенный для товарищей, молодой, много общавшійся морякъ Куличкинъ, служившій волонтеромъ. Онъ могъ бы съѣхать на берегъ, какъ сами Англичане писали, и не съѣхалъ — Русской! сказали бы, «что въ немъ менѣе духа, нежели въ Британцъ;» этой мысли онъ не хотѣлъ, онъ не долженъ былъ пережить; еще повторимъ «Русской и морякъ!» Подобнаго несчастія на нашемъ флотѣ не случалось, и при нашей дисциплинѣ и порядкѣ, быть не можетъ. Правда, въ 1800 году, въ самый день Высочайшаго смотра при Красной-Горкѣ, по утру, загорѣлся было у насъ 100-пушечный адмиральскій корабль «Санктъ» или, какъ матросы называли, «Самъ» Николай; но отъ такой причины, которой, при тогдашнемъ невѣдѣніи о теоріи возгораемости, простиительно было не предупредить осторожностью. Въ шхиперскихъ каютахъ, около самой крѣпости-камеры, за-таилась недавно выкрашенная олифою парусина, изготовленная на бортовыхъ сѣтках. Корабль спасенъ догадливостію, проворствомъ и неустрашимостію шхипера. Имя его должно бы сохраниться въ памяти моряковъ, и въ самой исторіи флота; но, именно, по молчаливости нашихъ газетъ, оно лишено этой справедливости, и самый примѣръ потерянъ для предостереженія другихъ. Англичане, народъ рысковой; съ ними и не такіа еще бѣдствія бывають. Въ пяти-лѣтнее пребываніе нашего флота у британскихъ береговъ случилось одно, какому также у насъ не бывало примѣра. Воен-

ный ихъ брикъ, сплывшій къ голландскимъ берегамъ, въ виду крейсерованной эскадры «зарылся» — и, какъ ключъ ко дну! Онъ шелъ на «ордевиндъ», и несъ слишкомъ много парусовъ, при сильномъ волненіи. У нихъ это считается молодечествомъ, и оно часто доводитъ до бѣды; чего, впрочемъ, они никогда не скрываютъ. У Французовъ недавно въ Архипелагѣ разбило корабль, помнится, Сю-рэнъ, и они всю подноготную рассказали, не таясь и не стыдясь. Нѣтъ, ей, ей, извѣщайте подробнѣе, откровеннѣе о флотѣ, о моряхахъ, обо всемъ что «наносить» моремъ и смолою, увидите, увидите бездну новыхъ подписчиковъ. Пусть молодые моряки пишутъ намъ чрезъ васъ проще и отчетливѣе; мы будемъ довольны, рады, благодарны. Не всѣмъ имѣть талантъ Евгенія Сю, да и къ чему онъ тамъ, гдѣ требуется болѣе правоты и точности. Послушайте совѣта, дайте сигналъ съ вашего маяка, что вы ждете картинъ съ флота — художники явятся! Пустите челку на приморской берегъ, пусть она и съ морскихъ растений, съ самыхъ моллюсковъ собираетъ медъ для своихъ сотовъ, отведите для этого особый уголокъ въ ульѣ, подъ этикеткою «Nautisages» — для пелагофиловъ этотъ съ присолью медокъ будетъ слаще меда горы Гимета. Все, что мы здѣсь сказали, пусть послужитъ «прелюдіею» къ тому, чѣмъ намъ хочется позабавить, если удастся, васъ и вашихъ читателей-моряковъ.

Однажды въ одномъ изъ журналовъ позабавили насъ сочиненіемъ молодого, любезнаго питомца Нептунова подъ рубрикою: «Варіаціи на тему Кронштатъ.» Изъ этихъ варіацій, пріятныхъ, утѣшительныхъ для сердца и для самой гордости Русскихъ, нѣкоторые тронули насъ за живое, иныхъ ухо наше почувствовало невѣрность. Мы ждали отъ кого-нибудь изъ нашей братьи, смолянскихъ инвалидовъ, отголоска;

но старые моряки, на покой, не очень, видно, любят приниматься за рупоръ; ожиданіе о сю пору остается ожиданіемъ; вздумалось самимъ попробовать — подыграть юному моряку. Чувствуемъ несоразмѣрность искусства; за молодыми нынѣ не угоняемся; но такъ и быть, просвищемъ хоть на засорившейся квартирмейстерской дудкѣ «варіаціи на варіаціи,» какъ бывало смолоду разыгрывали Гантошкина «Горюна.» За аплодированіемъ негонимся; наша пора куда-ужь прошла; только бы не опинкали. Вотъ же тѣ варіаціи, которыя беремъ за тему.

«Царствованіе Николая доказало Европѣ, что Россія обладаетъ великимъ флотомъ.... Не мудрено превзойти совершенствами невѣжду, немудрено побѣдить слабого; теперь флотъ нашъ стремится превзойти совершенствами флоты западные, флоты, уже ломавшіе копыя свои на поприщахъ Абукира и Трафальгара. Вы, ветераны флота временъ Екатерины и Павла, уже давно покинувшіе флотъ, и удалившіеся въ свое сельское уединеніе, уже давно не видавшіе ни Петербурга, ни Кронштата, ни вымпела корабельнаго—не правдали, въ васъ еще не застыло морское чувство? Не правда-ли, что хоть разъ въ годъ, вы любуетесь на ваши бывые флотскіе мундиры, вспоминаете юность, вашу службу въ чинѣ лейтенанта или мичмана, и восклицаете: «Вотъ то-то бывало у насъ на флотѣ... вотъ то-то былъ въ наше время флотъ!»

О! если бы *теперь* вы посетили нашъ военный корабль на рейдѣ, и нашъ флотъ во время его маневровъ на морѣ!

«Вы бы назвали каждый корабль яхтою, по изящности и чистотѣ его отделки, по легкости и правильности его вооруженія!

«Я мало знаю Кронштатъ и въ его прошедшемъ, и въ его настоящемъ. Я не имѣю яснаго, подробнаго понятія о

томъ, что былъ Кронштатъ въ ваше время; не могу рассказать вамъ прогрессивнаго хода его усовершенствованія, его обстрѣйки отъ вашего до нашего времени. Чтобъ узнать исторію Кронштата, надо жить не одинъ мѣсяцъ въ Кронштатѣ. Надо много побывать по Кронштату и Петербургу, много и многихъ спрашивать, много рыться въ архивахъ морскихъ присутственныхъ мѣстъ: ибо мы не имѣемъ еще ни подробной, полной печатной исторіи флота, ни подробной, полной печатной исторіи Кронштата. Но пойдете со мной, читатель, взглянемте на Кронштатъ, хоть ограниченнымъ, тѣлеснымъ, современнымъ, окомъ. Нынѣ превосходный майскій день. Гавани Кронштата кипятъ жизнью юноши. — Я подслушалъ фразу вашу: «что-то измѣнился ли нашъ голубчикъ, Кронштатъ,» и вижу, что вамъ, хоть разокъ бы, хотѣлось взглянуть на него.

Теперь у насъ въ Балтійскомъ флотѣ 27 кораблей, и почти столько же фрегатовъ. Всѣ суда Балтійскаго флота не умѣстятся въ гаваняхъ Кронштата, и потому одна дивизія флота всегда зимуетъ въ Ревель и Свеаборгъ.—Пушки, огромныя осадныя пушки, покрываютъ почти всѣ морскія Кронштатскія укрѣпленія. Много пушекъ на флотѣ. Много пушекъ на Кронштатскомъ артиллерійскомъ дворѣ. Много пушекъ въ Ревель и Свеаборгъ. О, у насъ на Балтійскомъ морѣ довольно пушекъ, чтобы заглушить гулъ Бородинскихъ выстрѣловъ!.. Въ ваше время, флотъ только въ воображеніи былъ комплектенъ. Въ ваше время, только въ воображеніи онъ раздѣлялся на дивизіи синяго, бѣлаго, краснаго флага. Теперь, по первому слову Императора, въ полномъ числѣ кораблей, фрегатовъ, мелкихъ судовъ, въ высочайшемъ развитіи совершенства, онъ, какъ громовыя тучи, покроетъ воды Финскаго залива!

. . . «Палы. Не отъ того-ли произо-

«шло это названіе *Памы*, что эта часть «низменна, *спала*?»

. «Такіе ли были корабли въ ваше время?» (Сѣв. Пч. 1834. № 146.)

Не знаемъ, гдѣ любезный, юный морякъ подслушалъ восклицаніе ветерановъ того времени, надъ которымъ нынѣ забавляются, называя «онимъ временемъ.» Принадлежа къ числу ихъ, мы, покрайней-мѣрѣ далеки отъ подобныхъ восклицаній. Напротивъ, съ восхищеніемъ любуемся настоящимъ, и смалчиваемъ больше о быломъ; потому-что прошлое мертво; а — *post mortem, nihil aut bene!* Но, когда вызываютъ, надо говорить правду, и одну правду. Просимъ же прислушать.

Нынѣ со 100-пушечнымъ кораблемъ лавируютъ по Кронштатскому рейду, увѣряетъ юный морякъ; а мы въ 1795 году съ 74-хъ пушечнымъ кораблемъ «Сысой-Великій» завозами тянулись вдоль рейда, да и тутъ свалились съ кораблемъ Болеславомъ, и у него «орьбрамъ-стенъги какъ не бывало!—за то у насъ былъ капитанъ Потапъ Петровичъ.

Нынешнее поколѣніе моряковъ едва ли составитъ идею о немъ. Бывало у Толбухина маяка снимаются съ якоря, а въ Кронштатѣ слышно. Любимая команда вахтеннаго, «лихаго» лейтенанта, при наворачиваніи шпиля, была: «шуми ребята, шуми!» и, нечего сказать, шумѣли всѣмъ міромъ преусердно. Тогда только, какъ побывали въ Англіи, узнали истинную прелесть — сняться, и чтобъ «ни гугу!...» Изрѣдка нептуно-державный голосъ лейтенанта и лудочка боцмана; а при шпилѣ, барабанъ и флейточка. Перепили тотчасъ, за этимъ у насъ не стоять. До Англіи, чуть къ концу сентября, и брамъ-стенъги въ ростры; а бомъ-брамъ-стенгъ и не знали; «авраломъ» становились на якорь, «авраломъ» поворачивали черезъ «ордесиндъ»; даже съ рѣшымъ возмѣсь по получасу; а потомъ стали спорить съ Англичанами, у

кого «возьмутъ» скорѣе, и бирали въ полторы минуты, и менше. Рѣдкой тогда офицеръ квадрантъ умѣлъ взять въ руки; о сектантахъ чуть еще слышали, барометровъ въ поминѣ не было; за то вахтенные часто «придерживались къ вѣтру,» и нерѣдко «заглядывали въ нахтоузъ» . . для наблюденія за курсомъ, конечно. Что такое были штурманы, шхиперы, комиссары, констапели, объ этомъ палецъ на уста; къ нимъ тогда прилагалась пословица: «курица не птица.» Матросы, не говоря о костюмѣ, кто поразвалястѣе, да ноги колесомъ, тотъ и молодецъ; а солдаты морскихъ баталіоновъ, подъ названіемъ «гороховниковъ,» только-что толкались, и мѣшали дѣлу. За то команда корабля бывала таже деревенька для капитана. Храни Богъ, сказать это обо всѣхъ: были исключенія; вспоминаемъ большинство, массу. Капитаны тогда были мужи пожилые, лѣтъ этакъ за-40, румяные, съ окладистымъ брюшкомъ; потому-что, изволите видѣть, ранги различались позументомъ по камзолу, вмѣсто того, что нынѣ знакъ различія подвинуть ближе къ головѣ. Бывало съ какимъ-то благоговѣніемъ смотримъ, какъ «онъ» изволить идти къ шлюбкѣ, подпираясь длинною тростію, какія нынѣ употребляются одними священниками. Тогда не соблюдалась строгая точность въ униформѣ, всякой одѣвался по своей фантазії, или, какъ тогда говаривали, «по вольности дворянства.» Можно было встрѣтить капитана въ быломъ мундирѣ съ цвѣтнымъ жилетомъ, и въ черномъ, атласномъ, короткомъ нижнемъ платьѣ, на которомъ бросалась въ глаза длинная золотая цѣпочка, эмалью украшенная, съ сердоликовыми и халцедоновыми печатками. Шелковые, бѣлые чулки и башмаки съ большими серебряными пряжками, или короткіе, козловые сапоги, непременно со скрипомъ, для важности; алый, голубой или пестрый платокъ на шеѣ, и круглая шляпа довершали ко-

стюмъ капитана. Шпагу, съ золотымъ темлякомъ, или безъ темляка, если была золотая, съ надписью «за-храбрость» и бѣлый плащъ, съ золотыми кистями, непременно уже несъ вѣстовой изъ гребцовъ, идя сзади, шагахъ въ пяти или десяти, судя потому, сердитой-ли «отецъ-командиръ,» или милостивецъ; чаще, помнится, держались вѣстовые въ десяти шагахъ. Капитана ожидалъ катеръ или «десятка,» подъ зеленымъ суконнымъ или и бархатнымъ зонтикомъ, съ золотою бахромою, и рисованнымъ сверху его гербомъ. На круглыхъ шляпахъ гребцовъ были большія бляхи, тоже съ собственнымъ гербомъ капитана, и султаны чаще зеленые, черезъ тулью перегнутые. Гребцы составляли какъ-бы гвардію его, и непременно должны были жить при домъ; а квартирмейстеръ шлюбки былъ въ родѣ метръ-д'отеля, если не назначалось другаго постоянного изъ урядниковъ или кутыръ.

Въ это время флотъ, между капитанами, имѣлъ своего Трунсона, и можетъ быть не безъ Перигринъ-Пикля. Онъ ничего знать не хотѣлъ, что и какъ на сухомъ пути дѣлается и называется; но во всемъ видѣлъ море и морское. У него коляска именовалась барказомъ, линейка катеромъ, дрожки шлюбкою; закрыть ставни на его языкъ выходило — «задрать порты;» заряди мушкатонъ, значило — набей большую пѣнковую трубку кнастеромъ, и т. п. Играя въ бостонъ, не рѣдко съ дамами, онъ всѣ четыре «краса» называлъ по отечествамъ «услужливыхъ» старушекъ въ Кронштатѣ, Спиридоновна, Мелентьевна и т. д; за столомъ, изъ серебряной круглой табакерки, преважно бралъ щепотку и посыпалъ всякое кушанье — табакомъ, думаете? — нѣтъ, перцомъ! словомъ, оригиналъ; и кто тогда не зналъ Степана Васильевича, царство ему небесное! давно покоенъ, а преудивительной былъ капитанъ! Пунши его имѣли

десятка полтора разныхъ названій, а кто «медвѣдя» бывало откупшеть, то врядъ-ли домой доплетется. Весело за то время проводили! О, если бы все поразсказать; но перейдемъ скорѣе къ кораблямъ.

Стопущечные корабли были-таки на что-нибудь похожи, имѣли довольно прямые батареи, и «сидѣли» ровно, казисто на водѣ; особенно красивъ былъ корабль Ростиславъ, Катасанова *) постройки. Другой «Двѣнадцать Апостоловъ» славился мѣдною артиллеріею. Это при тогдашнемъ дурномъ литіи чугуновыхъ пушекъ, увеличивало его силу. Напротивъ, корабли втора ранга имѣли сѣдистой видъ; корма и носъ были вздернуты, а середина низкая. Шканцы и баки цѣлою ступенью были выше узкихъ шкафутовъ, и когда подымались на ростры гребныхъ суда, выходило нѣчто похожее на дромадера. Случалось видѣть корабли, при сѣдистой этой фигурѣ, съ переломомъ батареи оконечностями внизъ. Великой стоило, въ Англіи, заботы выпрямлять ихъ наружность краскою и бортовыми сътками. До того красились въ одну полосу, тоже съ погибью, грубо-желтою окрою, оставляя порты красными; а на шканцахъ зеленою или голубою краскою; но рѣзба гака-борта часто, ни-дать-ни-взять, походила на Новгородскія расписныя ставни. Какихъ ужъ тутъ красокъ не было: бѣлая, красная, синяя, голубая, и наконецъ, золотисто-желтая, рапиментомъ называемая, все скрашивала; но—*de gustibus non est disputandum*,—давно говорятъ. Такимъ образомъ, мы на настоящемъ «Эмгетенѣ» явились было пощеголять подобною кормою въ Портс-

*) Катасановъ, при Государѣ Павлѣ Петровичѣ, былъ оберъ-сарнаеромъ флота, и для малтійской эскадры построилъ 136-пушечный «Благодать» и 74-пушечный «Михаилъ».

мутъ; но какъ насъ осмѣяли свои даже, не только Англичане — то мы въ одну ночь грѣхи закрасили одною блѣдно-палевую краскою. Въ вооруженіи, за красотою и чистотою не слишкомъ говядились; многое часто бывало даже не въ пропорцію. Станутъ ли поднимать барказъ, и «сей-тали» такъ завизжать, что можно подумать — живую свинью палить. Случалось тоже и съ «марса-фалами.» Марсели крѣпились «по марсельному,» съ рубашкою опущенною на марсь; «гачелей» и «тиковъ» не знали; ихъ замѣняли «бизань-ру» и «драйверъ-рей»; боканцовъ для яликовъ не было; флагъ и гюйсъ подымались на флагштакахъ. Корабли не обшивались мѣдью; объ ней еще не знали. Въ 1787 году, когда капитанъ Муловской готовился въ первую кругосвѣтную экспедицію, которой помѣшала тогда шведская война, приготовленные суда обшиты были гвоздами съ широкими шляпками. Муловской палъ въ послѣдовавшей битвѣ, и славу, которую готовилъ ему покровитель его, графъ Чернышевъ, оставилъ въ наследство знаменитому теперь Крузенштерну. Такъ справедливо: *l'honneur proroze et Dieu dispose!* Когда въ 1795 году, по оборонительному трактату, заключенному съ Англіею въ февралѣ мѣсяцъ, наша эскадра ушла въ Балтийское море; то вскорѣ корабли обросли бородами, и наскору двигались, сравнительно съ Англійскими. Это заставило нѣкоторые обшить, и когда вводили ихъ въ доки, находили всю подводную часть въ тинистой корѣ, на четверть толщиною, съ ракушками, морскою капустою и нестерпимую воню; а фальшивую обшивку — всю источенную червильи.

Англичане пожимали только плечами, и повторяли сквозь зубы свой любимый «god damn!» За то мы видѣли зрѣлище, какое пылѣющимъ, счастливымъ морякамъ едва ли удастся видѣть. Бывало весь флотъ идетъ полнымъ бак-

штагомъ, неся всевозможные паруса, и обшитые мѣдью корабли имѣютъ одни только марсели на эзелгофть. Такихъ было немного; корабли: Елена, бывший нѣкоторое время подъ вице-адмиральскимъ флагомъ Ханыкова; Елисавета, на которомъ сидѣлъ вице-адмиралъ Макаровъ; Ретвизонъ, которымъ начальствовалъ П. В. Чичаговъ, и потомъ А. С. Грейгъ; фрегатъ Венусъ, взятый у Шведовъ храбрымъ Кроуномъ; катера Диспачъ (Dispatch), купленный у Англичанъ, и Меркурій, передъ которымъ испуганный Венусъ спустилъ свой флагъ.

Перейдемъ собственно ко времени Павла I. Этотъ Государь, столь долго-временно готовившійся къ своему царствованію, и столь долго-временно бывшій наблюдателемъ, взошелъ на престолъ, съ преобладающею идеею о необходимости истребить роскошь, положить конецъ злоупотребленіямъ вообще, и водворить повсюду строгій порядокъ съ экономіею. Хотите ли, съ изумленіемъ, увѣриться въ отвращеніи его отъ роскоши, взгляните въ оружейной палатѣ на костюмъ его, въ которомъ онъ короновался: увидите вещи, приготовленные въ комиссаріатѣ для гвардейскихъ солдатъ того времени. Вообще для приведеніи въ дѣйствіе этой преобладающей идеи, взятые мѣры были скоры, рѣшительны, сильны; потому что давно были обдуманы. Онъ выразился и на флотѣ, на который Государь обратилъ особенное вниманіе. Онъ былъ и остался его генералъ-адмираломъ. — Изданъ былъ тотчасъ новый морской уставъ. Имъ перемѣнены флаги синій и красный; вмѣсто прежняго и нынѣшняго бѣлаго флага въ углу ихъ, помѣщенъ былъ гюйсъ, какъ у Англичанъ. Для сохраненія кораблей, повелѣно желтую краску замѣнить свѣтлымъ тиромъ. Это придавало кораблямъ необыкновенный для военныхъ судовъ, и какой то мрачный видъ, который въ торжественные дни только, и при на-

радахъ, нѣсколько разъяснялся отъ алыхъ, суконныхъ, съ бѣлою бордюрою шканць-клетней, какихъ нынѣ уже нѣтъ. Для экономіи въ порохъ, отми-ненъ былъ салютъ въ царскіе дни, и это много отнимало у эфекта при раз-свѣщеніи кораблей «лагами». Переменная мундировъ изъ лебедино-бѣлыхъ въ те-мнозеленые какъ ворона крыло, усили-вала мрачное впечатлѣніе, особливо въ первый годъ; но вскорѣ привыкли и нашли этотъ цвѣтъ и удобнѣйшимъ и приличнѣйшимъ. Съ другой стороны, на корабль стало доходить все поло-женное по штату съ совершенною то-чностію. Команды употреблялись для на-стоящей службы только; барщину по-ложенъ рѣшительный конецъ, и навсег-да. Смѣха достойная пестрота костю-мовъ исчезла; ввелось точное соблюде-ніе формы. Оригиналы вышли въ от-ставку, и многіе изъ молодыхъ, за отличіе по службѣ и за приводъ ре-крутскихъ партій, повышены чинами. Отъ этого всѣ чины, которые прежде, въ частномъ обращеніи, какою-то жалости достойною гордостію, были почти совершенно разобщены, вдругъ сблизились, что впрочемъ ни мало не повредило строгости дисциплины. Тутъ узнали, и часто твердили: «дружба дру-жбою, а служба службою.» Въ 1797 году, когда Государь, поднявъ штан-дартъ на фрегатѣ Емануэлъ, самъ по-велъ двѣ дивизіи, бѣлаго и краснаго «лаговъ», къ Сескару, по соединеніи съ дивизіею синяго «лага, пришедшею изъ Ревеля, явилось 47 вымпеловъ. Кора-бли были хорошо снабжены, и готовы къ бою, хотъ сейчасъ. До того, флотъ не бывалъ никогда въ такой исправно-сти, и въ такомъ полномъ строѣ. Въ 1800 году три новые корабля и два фрегата составили Малтійскую эскадру, и мы видали флагъ Іерусалимскихъ рыцарей развѣвающимся въ Кронштад-тѣ. «Благодать» со 136 жерлами была величайшимъ кораблемъ русскаго «ло-та, и вмѣстѣ свидѣтельствомъ неудоб-

ства подобнаго разнѣра кораблей для нашего моря и портовъ. Впрочемъ, по краткости времени, не могло и про-изойти ни какой важнѣйшей перемены ни въ наружности кораблей, ни въ сущности всего касающагося до бла-гоустройства «лота. — Какъ же прика-жете намъ восклицать: «вотъ то-то былъ «лотъ; вотъ то-то бывало у насъ на «лотѣ?».. Лучше ужъ молчать! По-крайней мѣрѣ мы останемся въ правѣ попросить юнаго моряка поправить по-ты въ своихъ варіаціяхъ, и писать впредь: «я знаю, старость не всегда пристрастна къ прошедшему, и охотно готова признавать превосходство насто-ящаго.» Между тѣмъ, позвольте. Если дѣло пойдетъ на то, какъ и тогда про-являлась сила русскаго духа въ моря-кахъ, мы не множко пріосамимся. Вспо-мните, что этотъ несовершенный «лотъ вромилъ Турокъ, и заревоу при Че-смѣ освѣтилъ будущую свою славу. Онъ дрался потомъ со Шведами, въ полто-ра раза сильнѣйшими, и остался побѣ-дителемъ; а съ какими средствами? съ какими людьми? — Многіе корабли, въ 1790 году комплектованы были ночны-ми бродягами, нахватанными полиціею въ Петербургъ, и даже крѣпостными арестантами изъ Рогервика: такова бы-ла крайность того времени. Здѣсь кста-ти помѣстить анекдотъ не многимъ нынѣ извѣстный.

Когда шведскій «лотъ угрожалъ на-паденіемъ столицъ, Императрица сама изволила посѣтить Кронштадтъ, и за-мѣтя капитана надъ портомъ Одинцова, — истинный типъ старыхъ моря-ковъ того времени, — спросила: «а вы какого мнѣнія о шведскомъ «лотѣ?» — «И, матушка, Государыня,» отвѣчалъ простодушный морякъ, «я думаю, на-прасно изволите безпокоиться; швед-ской «лотъ, ей, ей, двухъ грошей не стоитъ.» Монархиня улыбнулась, и ко-гда, послѣ троекратнаго сраженія, Шве-ды были пресланы, изволила прислать-ся нарочнымъ Одинцову золотую таб-